
ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

К.В. ШАМИЕВ*

ВЛИЯНИЕ КОАЛИЦИЙ ДАВЛЕНИЯ НА ОБОРОННУЮ ПОЛИТИКУ В РОССИИ: СЛУЧАЙ РЕФОРМЫ СЕРДЮКОВА¹

Аннотация. В 2007–2012 гг. российские вооруженные силы прошли через беспрецедентные изменения, которые затронули все элементы военной организации. Несмотря на политическую и финансовую поддержку со стороны президента и премьер-министра, реформаторам не удалось достигнуть всех целей реформ, а часть изменений была замедлена или отменена. Используя данные 18 экспертных интервью, проведенных с учеными, журналистами и бывшими высокопоставленными военными, опираясь на концепцию коалиций давления, исследование показывает что Министерство обороны не смогло реализовать некоторые изменения из-за противостояния министру внутри военной и президентской коалиций гражданско-военных отношений. Межведомственное сопротивление вынудило Министерство обороны отказаться от некоторых изменений, а часть других была отменена уже после отставки министра Сердюкова. Статья демонстрирует стратегии, которые использовали реформаторы, чтобы реализовать свои цели и преодолеть сопротивление мобилизованных противников реформы. Сопротивление в итоге привело к отставке министра обороны, что остановило дальнейшие радикальные изменения в российских вооруженных силах. Полученные результаты показывают, что даже полная политическая поддержка со стороны авторитар-

* **Шамиев Кирилл Вячеславович**, младший научный сотрудник Центра сравнительных исследований власти и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия); PhD candidate, Центрально-европейский университет (Вена, Австрия), e-mail: kshamiev@hse.ru

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г.

© Шамиев К.В., 2022

DOI: 10.31249/poln/2022.02.10

ного лидера не может спасти политиков и их программы от влияния других акторов. Недовольство изменениями вызывает раскол в президентской коалиции и ослабляет межведомственное взаимодействие, что ослабляет управленческие позиции реформатора. Более того, изучаемый случай показал, что в гражданско-военных отношениях большую роль играет не только фактическая составляющая реформы, но и соответствие поведения реформатора доминирующим убеждениям военнослужащих.

Ключевые слова: оборонная политика; гражданско-военные отношения; реформа армии; Медведев; политические курсы; коалиции давления.

Для цитирования: Шамиев К.В. Влияние коалиций давления на оборонную политику в России: случай реформы Сердюкова // Политическая наука. – 2022. – № 2. – С. 206–229. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.02.10>

Введение

Период 2007–2012 гг. стал решающим для будущего гражданско-военных отношений и определил вектор военного развития России. Вооруженные силы стали более боеспособными и мобильными, повысился авторитет армии в глазах общества [Дворкин, Арбатов, 2013; Renz, 2018]. Однако первоначальный план реформы все равно не был реализован. Реформа вызвала массовое недовольство среди гражданских и военных акторов, и в конце концов привела к увольнению министра обороны по обвинению в коррупции в 2012 г. Рассматриваемые радикальные изменения сыграли важную роль в изменении всей структуры современных вооруженных сил России. Это удивительно, потому что в целом политики и аналитики часто описывали реформы в период Медведева как фасад и имитацию, модернизацию без структурных изменений, «смесь фальшивых реформ и полумер» [Gel'man, 2016; Wilson, 2015]. Однако оборонная реформа при Медведеве ни в коем случае не была имитацией. Она была сложной попыткой перезагрузить российские вооруженные силы, что к 2014 г. продемонстрировало видимые результаты. В чем тогда причины успехов и неудач оборонной реформы в России в 2008–2012 гг.?

Согласно классическому определению, реформы сектора безопасности (РСБ) означают «преобразование сектора безопасности, включающее всех участников, их роли, обязанности и действия, таким образом, чтобы они работали вместе, чтобы функционирование сектора в большей степени соответствовало демократическим нормам и здравым принципам достойного управления

(good governance), способствуя созданию хорошо функционирующей системы безопасности»¹. Однако Кремль добился частичного успеха в реформировании вооруженных сил без наличия институтов достойного правления [Gel'man, 2016], что в российском контексте представляется неординарным случаем.

При помощи адаптации концепции коалиций давления к гражданско-военным отношениям я показываю особенности выработки и реализации политических курсов в сфере обороны в недемократических государствах. Даже полная политическая поддержка со стороны авторитарного лидера в таких централизованных секторах госуправления, как вооруженные силы, не может спасти реформаторов и их программы от влияния других акторов. Административные позиции заинтересованных сторон играют решающую роль в условиях, когда ключевых акторов просто невозможно заменить из-за их значимости в системе. Это дает таким акторам преимущество в спорах даже с высшим политическим лидером. Балансирование между инерционностью консервативного государственного аппарата и необходимостью прогрессивных изменений – вот главное искусство выработки политики в авторитарной России. Слишком широкая президентская коалиция смягчила бы радикальность предполагаемых изменений, но коалиция из узкого круга сторонников, как это было в случае реформы Сердюкова, сделала невозможной реализацию некоторых изменений.

Теоретически военное руководство должно либо выполнить требования гражданских властей, либо уйти в отставку [Huntington, 1957; Janowitz, 1960; Feaver, 2005; Levy, 2016]. Однако, как показывает пример реформы Сердюкова, чтобы обойти требования министра обороны, военные офицеры могут выстроить параллельные отношения с лицами, принимающими ключевые решения, например с премьер-министром Путиным. Более того, некоторых офицеров просто невозможно заменить из-за их важного статуса в командной структуре. Таким образом, они становятся неформальными вето-игроками, позиции которых президентская коалиция не может не учитывать при планировании своих действий. С одной стороны, это нарушает идеальную теоретическую модель, где несогласные офицеры должны уйти в отставку, если их позиция не учитывается

¹ SSR Overview // DCAF, ISSAT. – Mode of access: <https://issat.dcaf.ch/Learn/SSR-Overview> (accessed: 13.11.2020).

политическим руководством. С другой стороны, такие эксцессы гражданско-военных отношений явно показывают границы авторитарной политической власти и демонстрируют ограниченность поля для маневра гражданских реформаторов. В условиях отсутствия парламентской подотчетности и без широкой межведомственной политической поддержки, которая редко возможна в авторитарных режимах, реформаторы вынуждены иметь дело с квазиполитическими игроками, чья административная власть может ограничивать даже волю автократа.

Данная статья организована таким образом: в следующей секции кратко описана теоретическая рамка исследования и литературу, на которую опирался при анализе. Затем обсуждаю используемые методы, показывая их применимость в контексте гражданско-военных отношений. Во второй части я показываю результаты эмпирического анализа и отвечаю на исследовательский вопрос.

Коалиции давления и российские гражданско-военные отношения

В этом исследовании я адаптирую концепцию коалиций давления (*advocacy coalitions framework*, ККД) к сфере гражданско-военных отношений. ККД отлично подходит к случаю реформы Сердюкова из-за сравнительно большого количества акторов, участвовавших в политическом процессе, важности специализированного экспертного (военного) знания и мобилизации представителей гражданского общества (как сторонников, так и противников реформы) [Nwalia, 2019]. Это исследование берет за основу классическую гипотезу директивного изменения политического курса (*policy change*) в АСФ: атрибуты политического курса не будут изменены, пока установившая их коалиция остается у власти, кроме случаев принятия решений вышестоящими органами власти [Jenkins-Smith et al., 2014, p. 203–204].

Оборонная реформа должна быть наименее вероятным (*least likely*) случаем для проверки этой гипотезы в качественном кейс-стади [Rohlfing, 2012]. В военной сфере властвующая коалиция (министр обороны и его подчиненные) теоретически могут директивно проводить изменения. Однако на практике это не так. Как показывает случай реформы Сердюкова, атрибуты политического

курса могут измениться, даже если главенствующая коалиция еще остается у власти.

АСФ редко, но успешно применялась для анализа политики в области безопасности [Dyson, 2005; Irondelle, 2003]. Основными акторами в данном исследовании являются коалиции. Коалиции – это группы людей, объединенных общими убеждениями и институционализированными каналами координации [Cairney, 2011, p. 200–210]. Акторы действуют исходя из своих убеждений, но учитывают влияние институтов и действия других игроков на политической арене [Feaver, 2005; Jenkins-Smith et al., 2014]. Убеждения – это «программное обеспечение», которое состоит из «ценностей, норм, привычек и верований, пониманий и моды, а также осознания наказаний и поощрений, которые заставляют механизм работать» [Soeters, 2018].

В оборонной сфере вопросы координации обладают важным и часто институционализированным значением. Ограниченность информации и точек входа в систему, специализированность экспертного знания повышают значение формальной принадлежности к организациям оборонного сектора. Например, в случае оборонной реформы коалиция военных может включать в себя офицеров Генерального штаба, представителей оборонной промышленности, в то время как гражданская коалиция может состоять из ряда членов парламента, главы правительства и гражданских предприятий. Тип и количество вовлеченных акторов часто определяют конечный успех, потому что разные акторы имеют разный доступ к «привратникам»: суверену (президенту), бюрократам и журналистам [Binderkrantz, Christiansen, Pedersen, 2015].

Наконец, ККД учитывает, что «в большинстве случаев политика определяется специалистами в рамках политической подсистемы, но на их поведение влияют факторы более широкой политической и социально-экономической системы» [Sabatier, Weible, 2007, p. 192]. Это означает, что хотя оборонную политику разрабатывают специалисты со специальным знанием, на их поведение неизбежно влияют существующие отношения по поводу власти, а также внешние факторы [Thomas, 1999].

Методы

Эта глава опирается на данные 18 экспертных полуструктурированных интервью, проведенных в 2018 и 2021 гг. Кроме того, один человек отказался давать интервью из-за деликатности темы, девять других не ответили. Во избежание самоцензуры интервьюируемым была гарантирована конфиденциальность. Выборка состоит из ученых, журналистов пула министерства обороны (МО) и бывших политиков (включая военных запаса, депутатов Государственной думы и независимых экспертов), которые участвовали в процессе проведения реформы или наблюдали за тем, как происходило принятие решений (приложение 1). Один респондент неожиданно не смог принять участие в интервью и прислал свои развернутые ответы по электронной почте. Собранные интервью были затем классифицированы в соответствии с категориями, разработанными на основе теоретических работ по военным изменениям и реформам. После первой классификации я адаптировал категории к эмпирическому материалу.

Однако у проведенного процесса сбора данных есть один недостаток – он исключал действующих военнослужащих, а также сотрудников Министерства обороны, что ограничивало глубину анализа. Поэтому я использовал вторичные источники (сообщения СМИ, федеральные регуляции, публичные высказывания) для проведения комплексного анализа информации и триангуляции данных, полученных в ходе интервью.

Анализ: ревизионистская повестка дня

Разговоры о предстоящих изменениях в армии и на флоте велись среди элиты с 2004 г., но реформа постепенно откладывалась¹. Например, начальник Генерального штаба (НГШ) Балуюевский в 2005 г. утверждал, что в скором времени вооруженные силы должны перейти на более гибкую батальонную структуру, а частные компании – выполнять «невоенные» задачи, такие как уборка и обеспечение питанием². Эти идеи стали двумя столпами рефор-

¹ Респондент № 14, интервьюер – К. Шамиев, 23 апреля 2018 г., Москва.

² Гаврилов Ю., Черняк И. Юрий Балуюевский: С НАТО воевать не собираемся // Российская газета. – 2005. – Ноябрь. – Режим доступа: <https://rg.ru/2005/11/01/baluevsky.html> (дата посещения: 19.01.2022).

мы Сердюкова три года спустя. Более того, некоторые военные эксперты уже участвовали в подготовке проекта полномасштабной реформы в мае 2008 г.¹ Таким образом, процесс выработки оборонной политики в России никогда не был линейным, несмотря на наличие экспертных рекомендаций по необходимым изменениям. Недостающим фактором было отсутствие команды со стороны президента, т.е. политического решения по проведению реформы.

Любая оборонная реформа рассматривается правительством сквозь призму существующей или планируемой концепции внешней и оборонной политики. До 2007 г. Путин не воспринимал внешний мир как экзистенциальную угрозу², за исключением участия НАТО в войне в Косове, которую Кремль считал первым признаком начала новой холодной войны [Arbatov, 2000]. Значительное изменение произошло в 2007 г., когда Путин публично упомянул в Мюнхенской речи³, что никто на Западе не заинтересован в учете российских национальных интересов⁴. Через пять дней после речи в Мюнхене, 15 февраля 2007 г., Путин подписал указ о назначении Сердюкова министром обороны.

Важным фактором для начала реформы стала Пятидневная война с Грузией в 2008 г. [Барабанов, 2011], которая оказалась «внешним шоком» [Pierce, Peterson, Nicks, 2020], заставившим российское руководство подвергнуть переоценке всю военную систему страны. Все респонденты считали эффективность российских войск в Грузии низкой. «Командующий 58-й армией вызывал ракетную артиллерию с моего спутникового телефона. Собственной связи не было», – говорил один из военных журналистов, присутствовавших на поле боя⁵. Попытки реформировать вооруженные силы в первые два срока Путина не были реализованы, несмотря на ежегодные помпезные публичные доклады министра Иванова и начальника Генерального штаба (НГШ).

Таким образом, военная реформа Сердюкова, по сути, была запланирована задолго до ее утверждения. Официально реформа

¹ Респондент № 15, интервьюер – К. Шамиев, 20 апреля 2018 г., Москва.

² Респондент № 1, интервьюер – К. Шамиев, 12 мая, 2021 г., Москва.

³ *Putin V. Speech and the Following Discussion at the Munich Conference on Security Policy // President of Russia. – 2007. – February. – Mode of access: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (accessed: 19.01.2022).*

⁴ Респондент № 4, интервьюер – К. Шамиев, 17 мая 2021 г., Москва.

⁵ Респондент № 12, интервьюер – К. Шамиев, 25 апреля 2018 г., Москва.

началась после войны с Грузией, но на самом деле различные акторы формулировали идеи для реформы за несколько лет до этого. Изменение восприятия системы международных отношений Кремлем, неожиданный внешний шок в виде войны с Грузией и наличие экспертизы, критичной по отношению к состоянию российских вооруженных сил, стали достаточным набором факторов для начала реформы. В октябре 2008 г. министр Сердюков публично представил первый план изменений.

Анализ: коалиции давления в 2007–2012 гг.

Описание коалиций в этом разделе основывается на анализе политических убеждений [Shamiev, 2021] и формальной аффилиации акторов в 2007–2012 гг. Выделены президентская, военная и гражданская коалиции, которые боролись за отдельные положения реформы. Президентская коалиция была главным инициатором и контролером изменений. Это является особенностью авторитарных постсоветских политических систем, когда президент, образно, находится над системой, контролируя поведение исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти [Stykov, 2019]. Соответственно, фаворитизм президента по отношению к представителям гражданской или военной коалиции может определять исход политических курсов в оборонной сфере. Военная коалиция отвечала за «перевод» и адаптацию требований президента и министра в военной среде. Гражданская коалиция оказалась наиболее оппозиционной, выступая против всех радикальных аспектов реформы и министра лично, будучи при этом исключенной из формальных организаций оборонной сферы.

Президентская коалиция. Дмитрий Медведев стал президентом России в мае 2008 г. Его кандидатуру поддержал Путин, с которым его связывали длительные рабочие отношения¹. Прежде чем стать президентом, Медведев получил значительный административный и политический опыт в путинской когорте государств-

¹ Степанов И. Обыкновенное чудо. Как тихий Медведев превратился в матерого политического волка // Компромат. ру. – 2007. – Январь. – Режим доступа: http://www.compromat.ru/page_22076.htm (дата посещения: 19.01.2022).

венных управленцев¹. По доступным данным, у них были хорошие профессиональные и личные отношения, исполнительный характер Медведева вполне соответствовал предпочтениям Путина в отношении высших государственных чиновников.

Для успеха реформы Кремлю в первую очередь необходимо было найти министра обороны, который бы не выступал против целей изменений и был бы эффективным управленцем. Этим человеком стал Анатолий Сердюков².

Административная карьера Сердюкова началась в 2000 г. после того, как он женился на Юлии Похлебениной, дочери Виктора Зубкова, личного помощника Владимира Путина в Санкт-Петербурге³. «Он был абсолютно лоялен, не имел никаких политических, административных амбиций», – так охарактеризовал Сердюкова бывший депутат Государственной думы⁴. Кроме того, у Сердюкова не было личных связей с армией. Это было важно, учитывая утрату Путиным прямого контроля над вооруженными силами, когда он стал премьер-министром⁵. Однако назначение Сердюкова было очень неожиданным.

Министр Сердюков не учитывал традиций и убеждений высокопоставленных военных и иногда откровенно критично относился к ним [Shamiev, 2021]. Как отмечал один из военных журналистов, полковник запаса: «Поначалу Сердюков был абсолютно груб и плохо относился к военным. Ему казалось, что он будет махать руками, и генералы все сделают, его женщины из Федеральной налоговой службы тоже думали, что они будут запросто командовать Вооруженными силами. Им нравилось издеваться над генералами, командовать ими. Со временем он начал понимать систему, как все взаимосвязано. Он больше не позволял себе

¹ Жегулев И. Друзья и попутчики Медведева // Компромат. ру. – 2007. – Июль. – Режим доступа: http://www.compromat.ru/page_21421.htm (дата посещения: 19.01.2022).

² Белов В. Женщины министра // Росбалт.* – 2012. – Октябрь. – Режим доступа: <https://www.rosbalt.ru/piter/2012/10/29/1052186.html> (дата посещения: 19.01.2022).

* Внесен в список СМИ, выполняющих функции иностранного агента.

³ Никольский А. и др. Анатолий Сердюков – «не человек, это функция» // Ведомости. – 2012. – Апрель. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/library/articles/2012/04/23/eto_ne_chelovek_eto_funkciya (дата посещения: 19.01.2022).

⁴ Респондент № 14, интервьюер – К. Шамиев, 23 апреля 2018 г., Москва.

⁵ Респондент № 17, интервьюер – К. Шамиев, 23 апреля 2018 г., Москва.

хамства в присутствии генералов»¹. Сердюков плохо вписывался в культуру военной элиты. Они не привыкли, чтобы гражданские чиновники диктовали им, что делать, особенно женщины без опыта военной службы. Более того, министр не обращал внимания на звания и неформальный статус офицеров, что было неестественно для военной среды. Из-за этого на уровне отдельных командующих и командиров соединений реформа столкнулась с сопротивлением и затягиванием реализации принятых решений.

Однако Сердюкову удалось заранее создать эффективную коалицию из преданных ему лично людей. Во вновь созданные департаменты или реорганизованные управления министерства он привел коллег из Федеральной налоговой службы, что ослабило сопротивление генералов. Сердюков хотел сделать армию похожей на частное предприятие, но с оружием и военной техникой. «Правильно, что он был гражданским человеком. Потому что ни один военный человек психологически не пошел бы на такую трансформацию. Он бы понял слишком много нюансов, к чему бы это привело, начал бы искать промежуточные шаги, компромиссы», – заявил генерал-майор, бывший член Совета обороны России².

Приход к власти Дмитрия Медведева означал более активное участие гражданского общества в выработке политики, хотя и с сомнительным реальным влиянием на итоговые результаты. Наиболее влиятельным гражданским актором был Совет по внешней и оборонной политике (СВОП), аналитический центр, эксперты которого участвовали в разработке программ изменений. Ведущим экспертом выступал один из основателей СВОП, разведчик ГРУ Виталий Шлыков, который лично взаимодействовал с министром Сердюковым³. Однако Министерство обороны могло само отбирать конкретные идеи, не учитывая комплексный подход экспертов, а это ограничивало влияние независимого экспертного общества на реформу.

¹ Респондент № 6, интервьюер – К. Шамиев, 20 мая 2021, Москва.

² Респондент № 8 интервьюер – К. Шамиев, 21 мая 2021, Москва.

³ Шлыков В. Блицкриг Анатолия Сердюкова. Часть II «Непродуманность» и «волонтаристский характер» преобразований в вооруженных силах России | Совет по внешней и оборонной политике // Военно-Промышленный Курьер. – 2010. – Февраль. – Режим доступа: <https://vpk-news.ru/articles/5725> (дата посещения: 07.01.2022).

Формирование достаточной коалиции изменений – это необходимая часть стратегии по успешной реализации реформ. Однако слишком широкая коалиция неизбежно смягчает радикальность изменений, а слишком узкая может быть недостаточной для преодоления сопротивления противников реформы. Несмотря на поддержку как со стороны Путина, который назначил Сердюкова, так и со стороны Медведева, которому министр формально подчинялся¹, президентская коалиция оказалось минимальной для реализации изменений.

Военная коалиция. Важным решением президентской коалиции было назначить такого НГШ, который был бы способным военачальником, но при этом не сопротивлялся радикальным реформам. Таким человеком в июне 2008 г. стал генерал Макаров. Предшественник Макарова, генерал Балуевский был противником радикальных перемен и публично критиковал решения Сердюкова и даже Путина². Например, он критиковал выход из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности и был против переезда штаба ВМФ в Санкт-Петербург³. Макаров оказался очень лояльным и исполнительным человеком. «Реформа свалилась на него, он ничего не обещал, он был спокойным, покладистым человеком, у него не было амбиций», – отмечали военные эксперты. Респонденты также утверждали, что помимо лояльности он хорошо понимал окружную структуру вооруженных сил и умел выполнять поставленные задачи⁴. Назначение генерала Макарова резко ослабило возможности для сопротивления реформе со стороны военной коалиции.

Один из военных журналистов отмечал слабую способность Макарова остановить радикализм министра: «На начальнике Генштаба Макарове лежала гигантская ответственность. Медведев плохо контролировал Министерство обороны, и Сердюков взял реформу на свою милость. Макаров должен был лучше объяснять военные вопросы Сердюкову, но он иногда говорил смешные, не-

¹ Респондент № 1, интервьюер – К. Шамиев, 12 мая 2021 г., Москва.

² Респонденты № 12, 15, 21, интервьюер – К. Шамиев, апрель 2018 г., Москва.

³ Козлов А. Балуевский «заигрался» // The Moscow Post. – 2008. – Март. – Режим доступа: http://www.moscow-post.ru/politics/baluevskij_zaigralsja/ (дата посещения: 19.01.2022).

⁴ Респонденты № 13, 16, интервьюер – К. Шамиев, апрель 2018 г., Москва.

образованные вещи, что всех удивляло»¹. Действительно, генерал Макаров редко выступал с публичными комментариями, но все его заявления отражали мнение Сердюкова, строго следуя не только фактуре, но и логике рассуждений министра.

Макаров был жестким исполнителем реформы, который не ставил под сомнение решения министра обороны и пытался исполнить его решения как можно быстрее и эффективнее. Макаров поддерживал импорт иностранного вооружения с условием локализации производства и технологий². Он критиковал российский военно-промышленный комплекс, отмечая неспособность предприятий обеспечить лучшую защиту экипажа, меньшую стоимость производства и четкое выполнение оборонного заказа³. В 2012 г., за 9 месяцев до своего увольнения, он заявил, что российские вооруженные силы структурно реформированы и готовы начать полномасштабную программу перевооружения⁴. Однако Макарову не дали реализовывать ее, перевооружать армию начали уже при его преемнике, генерале Валерии Герасимове.

Гражданская коалиция. Гражданская коалиция во многом оставалась критичной по отношению к реформе. В нее вошли представители военно-промышленного комплекса (ВПК), отставные военные, уволенные в ходе реформы, а также депутаты Госдумы. Некоторые военные, прослужив десятки лет, не получили от Министерства обороны положенных квартир и социального обеспечения. Другие стали политически активными после выхода на пенсию, не соглашаясь с позициями министра Сердюкова и президента Медведева. Эти люди часто давали комментарии СМИ и организовывали по всей России демонстрации против различных аспектов реформы^{5,1,2}.

¹ Респондент № 7, интервьюер – К. Шамиев, 20 мая 2021 г., Москва.

² Николай Макаров, экс-начальник Генштаба – биография // Эхо Москвы. – 2012. – Ноябрь. – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/blog/echomsk/949501-echo/> (дата посещения: 19.01.2022).

³ Тихонов А. Армия России: новый облик // Красная звезда. – 2012. – Февраль. – Режим доступа: <http://archive.redstar.ru/index.php/mohov/item/645-armiya-gossii-novuyiy-oblik> (дата посещения: 19.01.2022).

⁴ Там же.

⁵ Васильев П. В Челябинске прошел митинг против закрытия автомобильного института // 74.ru. – 2010. – сентябрь. – Режим доступа: <https://74.ru/text/gorod/2010/09/20/58840291/> (дата посещения: 19.01.2022).

Помимо военнослужащих, сопротивление некоторым аспектам реформы шло со стороны гражданских политиков и представителей гражданского общества. Министерство пыталось отражать критику общественности, организуя встречи и конференции для экспертов и депутатов Государственной думы. Генерал-полковник запаса, депутат от «Единой России» Виктор Заварзин возглавлял Комитет по обороне до декабря 2011 г., что делало Думу в значительной степени пассивной и подчиняющейся требованиям министерства. Однако фракция коммунистов и отдельные депутаты других фракций стали активными критиками министра Сердюкова, выражая оппозиционные мнения на федеральном уровне, но не мешая итоговому голосованию³. «Мы поднимали вопрос на Комитете по безопасности [Государственной думы], но в ответ Сердюков организовал огромную презентацию в министерстве как совместное заседание комитетов по безопасности и обороне Думы, с красивым фильмом, яркими папками, хорошим банкетом», – описывал происходившее бывший член Государственной думы⁴. У Думы было мало возможностей напрямую повлиять на реформу, но депутаты могли представлять интересы конкурирующих групп из исполнительной власти на этапе поправок и отзывов из профильных комитетов [Noble, 2020]. Поэтому сопротивление депутатов реформе отражало влияние противников изменений внутри исполнительной власти.

Сердюков также мобилизовал против себя российскую оборонную промышленность. Его жесткая позиция на переговорах с представителями ВПК и требование снизить цены на оборонный заказ могли оставить некоторые заводы без дохода, а от таких заводов в свою очередь зависели политическая стабильность и бла-

¹ Тимофеев Ю., Шакиров М. Армия на митинге // Радио Свобода.* – 2010. – ноябрь. – Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/2213147.html> (дата посещения: 15.10.2021).

* Внесен в список СМИ, выполняющих функции иностранного агента.

² Мостовщиков Е., Базанова Е., Мартемьянов М. Сшибка // New Times*. – 2010. – октябрь. – Режим доступа: <https://newtimes.ru/articles/detail/29355> (дата посещения: 15.10.2021).

* Внесен в список СМИ, выполняющих функции иностранного агента.

³ Респондент № 6, интервьюер – К. Шамиев, 20 мая 2021 г., Москва

⁴ Респондент № 14, интервьюер – К. Шамиев, 23 апреля 2018 г., Москва.

гополучие промышленных городов¹. Борьба обострилась в 2011 г., когда президент подписал новую программу перевооружения на беспрецедентные 19 трлн рублей (630 млрд долл. США)². Жесткие требования Министерства обороны, проблемы с организацией оборонного заказа и значительные финансовые вливания обострили его конфликт с трудно реформируемым военно-промышленным комплексом.

Имплементация реформы

Реформа концептуально основывалась на трех столпах. Во-первых, переход вооруженных сил к постоянной боевой готовности, что влекло за собой изменения в комплектовании, структуре, материально-техническом обеспечении войск. Во-вторых, повышение мобильности и динамичности вооруженных сил. Войска должны были научиться действовать независимо и быстро, реагируя на постоянные изменения обстановки. Реформа заложила основы быстрой организации переброски войск, что впоследствии будет ежегодно представлено в виде внезапных проверок боевой готовности. Наконец, реформа подразумевала массовое перевооружение, что требовало наличия эффективного ВПК и профессионального личного состава.

В ходе реформы были ликвидированы так называемые «кадрированные части». Эти части представляли собой военные базы с несколькими офицерами и десятком призывников, созданные для охраны военных машин и оборудования. В реальности они часто были недееспособными. МО расформировало их, сделав упор на части постоянной боевой готовности. Это повлекло за собой изменения в службе материально-технического обеспечения, позволил Сердюкову радикально сократить количество складов хранения, объектов недвижимости и земель в собственности министерства обороны [Дворкин, Арбатов, 2013].

¹ Аксенов П. Конструктор «Тополей»: гособоронзаказ-2011 сорван // BBC News. – 2011. – Июль. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/russia/2011/07/110706_russia_missiles_building (дата посещения: 15.10.2021).

² Сафронов И. Минобороны перешло от слов к 19 триллионам // Коммерсант. – 2011. – Февраль. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/1591146> (дата посещения: 15.10.2021).

Расформирование частей и полков вынудило тысячи офицеров уйти в отставку. Однако сокращение личного состава обернулось проблемами. По словам респондентов, Главное управление кадров МО буквально рассылало в военные округа процентное соотношение военнослужащих каждого звания, подлежащих увольнению со службы. В ходе сокращения не были изучены необходимые армии и флоту штатные расписания, что неизбежно создало неадекватную систему управления. Молодые офицеры отказывались от повышения, так как знали, что их зарплата останется прежней, но нагрузка значительно возрастет. Более того, в то время как одни младшие офицеры отказывались от повышения, другие парадоксальным образом были понижены в должности до сержантов¹. При этом министерство не смогло выполнить план по набору сержантов. В итоге на период реформы в вооруженных силах образовалась командная дыра, что усложнило выполнение базовых обязанностей офицеров и сержантов и вызвало критику как внутри вооруженных сил, так и со стороны гражданской коалиции.

Второй важной структурной частью реформы стало слияние шести военных округов в четыре объединенных стратегических командования (ОСК). Это изменение было протестировано в декабре 2007 г., когда министерство создало экспериментальное Восточное региональное командование – предшественника будущей структурной реформы. Однако эксперимент провалился и был отменен в мае 2008 г., после чего последовала отставка генерала Балуевского². Изменение децентрализовало оперативное командование от Москвы до уровня военных округов, сделав управление мобильней: «Полное подчинение всех сил командующим ОСК. Это привело к перераспределению ответственности и влияния главнокомандующих войсками, они были лишены оперативного управления войсками»³.

Пятизвенная структура сухопутных войск (военный округ – армия – корпус – дивизия – полк) была изменена на трехзвенную (оперативное командование – бригада – батальон). Однако реформа столкнулась с противодействием со стороны Воздушно-

¹ Респондент № 16, интервьюер – К. Шамиев, 23 апреля 2018 г., Москва.

² Респондент № 12, 23, 16, интервьюер – К. Шамиев, 25 апреля 2018 г., Москва.

³ Респонденты № 9, 16, интервьюер – К. Шамиев, 25 мая 2021 г., Москва.

десантных войск и Ракетных войск стратегического назначения. ВДВ добились отмены расформирования своих дивизий прямо перед назначением генерала Шаманова, известного командира времен Чеченской войны, на должность командующего¹. Позже генерал Шаманов заявил, что силы ВДВ всегда боеспособны, поэтому структурные реформы в его войсках были не нужны².

Раздражение военных новыми изменениями было подогремо почти пятикратным сокращением центральных структур МО в Москве – с 51 тыс. до 13,4 тыс. человек [Giles, 2012], при этом около 3 тыс. должностей в 2012 г. были зарезервированы для гражданских служащих³. В результате тысячи офицеров, включая полковников и генералов, потеряли работу. Эти кадровые решения и структурные изменения создали так называемую «группу отставников», которая затем стала одной из самых активных групп критиков Сердюкова в публичной сфере.

Сердюков и Макаров были крайне чувствительны к любым преступлениям, связанным с дедовщиной и другими видами армейского насилия. Правозащитники заявляли, что МО стало гораздо более открытым и активнее реагировало на их просьбы о защите прав военнослужащих⁴. Некоторые офицеры оспаривали в судебном порядке попытки Сердюкова уволить офицеров за случаи дедовщины⁵. Поскольку увольнение любого человека за правонарушение в вооруженных силах должно быть подкреплено дисциплинарными мерами или решением суда, волюнтаризм Сердюкова не был поддержан действующим законодательством, оставив офицерам юридические возможности для защиты своих прав.

¹ Соловьев В. Генералы перешли в контратаку Сшибка // Независимая газета. – 2009. – Май. – Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2009-05-28/1_generals.html (дата посещения: 15.10.2021).

² Литовкин В. Бригады под «зонтиком» десантных дивизий // Независимое военное обозрение. – 2012. – Март. – Режим доступа: http://nvo.ng.ru/forces/2012-03-02/1_desant.html (дата посещения: 15.10.2021).

³ Справка о численности и оплате труда гражданских служащих федеральных государственных органов (центральных аппаратов министерств и ведомств) в I полугодии 2012 года // Росстат. – Режим доступа: https://mgoprofgos.ru/files/30082012-12_45_59.pdf (дата посещения: 15.10.2021).

⁴ Вахнина Л. Трагедия беглецов // Росбалт.* – 2012. – Март. – Режим доступа: <https://polit.ru/article/2010/05/04/vahnina/> (дата посещения: 18.10.2021).

* Внесен в список СМИ, выполняющих функции иностранного агента.

⁵ Респондент № 2, интервьюер – К. Шамиев, 13 мая 2021 г., Москва.

МО также открыто критиковало оборонную промышленность за неспособность обеспечить поставку современного вооружения в установленные сроки [Golts, 2017]. В связи с этим МО заказало десантные корабли класса «Мистраль» у Франции, итальянские транспортные средства, австрийское стрелковое оружие, различные французские средства связи, разведки, израильские беспилотные летательные аппараты и немецкое оборудование для подготовки военнослужащих сил специальных операций¹. Это решение было беспрецедентным и шло вразрез с убеждениями консервативной части всех коалиций о том, что в российских вооруженных силах могут использоваться вооружение и военная техника только из России.

Более того, программа перевооружения вызвала конфликт с частью президентской коалиции, с Министерством финансов. Этот конфликт привел к отставке министра Кудрина. Главным автором программы перевооружения был генерал Владимир Поповкин, возглавлявший управление вооружений в МО: «Медведев подписал ее 31 декабря 2010 г., Кудрин узнал об этом позже, он рассчитывал провести несколько встреч, чтобы выступить за сокращение программы на 200 млрд долларов»², – заявил журналист прессы министерства обороны. Более того, Кудрин критиковал Медведева и правительство за слишком интервенционистскую экономическую политику и безответственные бюджетные расходы. Поэтому после очередной порции критики в сентябре 2011 г. Медведев вынудил его уйти в отставку³. Увольнение Кудрина стало первым крупным свидетельством раскола внутри президентской коалиции.

Оборонная промышленность не отвечала новым стандартам МО, при этом некоторые города-миллионники полностью зависели от оборонного заказа. Например, Уралвагонзавод, предприятия которого являются основными производителями танков, не мог поставить модернизированную технику для МО, но их нельзя было закрыть из-за социальных обязательств перед жителями Омска, Нижнего Тагила и Челябинска. Таким образом, директора про-

¹ Респондент № 17, интервьюер – К. Шамиев, 28 апреля 2018 г., Пермь.

² Респондент № 12, интервьюер – К. Шамиев, 25 апреля 2018 г., Москва.

³ *Граник И.* и др. Алексей Кудрин получил двойную отставку // Коммерсант. – 2011. – Сентябрь. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/1781828> (дата посещения: 18.10.2021).

мышленных предприятий, мэры городов и губернаторы областей пытались лоббировать проведение нужных им тендеров и отставку Сердюкова. В конфликт был вовлечен даже Сергей Чемезов, бывший генерал КГБ и директор «Ростехнологий», который был коллегой Путина в ГДР в 1980-х годах¹. Сопrotивление ВПК мобилизовало отдельных региональных руководителей и даже членов ближайшего окружения Путина.

В 2009 г. Сердюков решил создать в вооруженных силах службу военной полиции. Однако после нескольких провалов она была создана только в 2014 г., уже после отставки министра. Первоначально военная полиция должна была заменить правоохранительные и розыскные функции военной прокуратуры и ФСБ и перейти в подчинение заместителя министра обороны [Herspring, McDermott, 2010]. Однако инициатива вызвала много критики в других силовых структурах, входивших в президентскую коалицию, и столкнулась с трудностями в реализации². ФСБ была против этой идеи, поскольку изначально она должна была нарушить работу службы контрразведки в армии³. В итоге военная полиция была создана «полузависимой, без полномочий по расследованию преступлений». Первичное расследование оставалось возложено на командиров подразделений, что подрывало справедливость расследования⁴.

Наконец, Сердюков хотел радикально изменить систему военного образования. До 2013 г. МО планировало завершить первую часть реформы, направленную на сокращение числа военных учебных заведений⁵. Однако даже она не была завершена. МО планировало объединить и сократить 65 существовавших учебных заведений до 10 больших военных университетов [Herspring, McDermott, 2010]. Все эксперты сошлись во мнении, что военное образование было необходимо реформировать из-за старых про-

¹ Респондент № 12, интервьюер – К. Шамиев, 25 апреля 2018 г., Москва.

² Ващенко В. «Не понимаю, чем занимается военная полиция» // Газета. ru. – 2016. – Ноябрь. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/social/2016/11/01/10297829.shtml> (дата посещения: 02.06.2021).

³ Респондент № 12, интервьюер – К. Шамиев, 25 апреля 2018 г., Москва.

⁴ Респондент № 2, интервьюер – К. Шамиев, 13 мая 2018 г., Москва.

⁵ Горемыкин В. Военное образование // Эхо Москвы*. – 2009. – Март. – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/programs/voensovet/577758-echo/> (дата посещения: 02.03.2021).

* Внесен в список СМИ, выполняющих функции иностранного агента.

блем в преподавании и военной науке. В ответ на критику со стороны Госдумы в МО однажды было проведено совещание по поводу расформирования Коломенского высшего артиллерийского командного училища. Министерство попросило депутатов Госдумы проанализировать училище на предмет соответствия установленным оценочным критериям и пообещало, что если они смогут найти хоть один критерий для сохранения училища, то они это сделают. Как сказал один из бывших депутатов Госдумы, его анализ показал, что особенности Коломенского училища не давали шансов на его сохранение¹. Однако реформу все равно критиковали за «уничтожение» военного образования, обладавшего древней историей и почетными традициями в России².

Реформа Сердюкова в свете гражданско-военных отношений в России

Таким образом, военная реформа в 2007–2012 гг. сочетала успехи и неудачи. МО удалось сделать структуру вооруженных сил более гибкой и мобильной, добиться постоянной боеготовности войск, начать глубокую модернизацию ВПК и перевооружение. Более того, реформа вынудила уйти в отставку наиболее критически настроенную часть офицеров и членов правительства, что благоприятно сказалось на общей дисциплине государственного аппарата. Изменение структуры и усиление боевой готовности были наиболее деполитизированными изменениями в вооруженных силах, что облегчало их реализацию при формальном одобрении президента и наличии способного министра и НГШ, сторонника реформ. Более политизированные изменения вызвали сопротивление со стороны как гражданской коалиции, так и отдельных представителей президентской коалиции.

Создание военной полиции, профессионального корпуса сержантов, реформа ВПК и перестройка образования столкнулись с серьезным коалиционным противодействием. Создание военной полиции было замедлено правоохранительными органами и ФСБ, блокировавшими формальные процедуры согласования законо-

¹ Респондент № 14, интервьюер – К. Шамиев, 23 апреля 2018 г., Москва.

² Респондент № 18, интервьюер – К. Шамиев, 20 апреля 2018 г., Москва.

проектов. Реформа военного образования подверглась резкой критике со стороны преподавателей и в общественной сфере. Противники реформы военного образования привлекли внимание депутатов Госдумы, которое МО пыталось блокировать путем проведения общественных слушаний и конференций. Несмотря на жесткую критику, реформа была отменена только после отставки Сердюкова. Реформа структуры ВДВ, благодаря влиянию генерала Шаманова, была полностью остановлена. Личный доступ офицеров к Путину, влияние других силовых структур и, наконец, уголовное преследование команды Сердюкова были тремя эффективными элементами стратегии торможения оборонной реформы в 2008–2012 гг. В то же время общественные кампании, протесты, обращения Думы к министру и президенту были тщетны.

Наконец, одним из ярких раздражающих факторов стала личность самого министра Сердюкова, в частности критике подверглось его недипломатичное поведение с офицерами. Расформирование исторических соединений с героическим прошлым и неэтичная манера общения с высокопоставленными офицерами создали проблемы в отношениях с военной коалицией, которых можно было избежать. Этот аспект дополняет несколько редуционистский аргумент о том, что полномочия и финансы являются главными стимулами поведения силовой элиты [Stepan, 1988; Svulik, 2012; Geddes, Frantz, Wright, 2014]. На самом деле гражданско-военные отношения зависят от комплекса нормативных установок и прагматичных решений.

Оборонная реформа и российское политическое управление

Полученные выводы имеют некоторые последствия для разработки политики в недемократических государствах. Они предполагают, во-первых, что даже полная политическая поддержка со стороны авторитарного лидера не может спасти разработчиков политики и их программу от влияния других акторов. Во-вторых, резкое внедрение изменений предотвращает создание более широкой коалиции поддержки посредством мобилизации акторов внутри государственного аппарата. Президентская коалиция реформаторов была слишком мала и состояла из только высшего руководства министерства и идеологических сторонников министра. Таким образом, стоит уточ-

нить изначально заявленную гипотезу. С одной стороны, анализ действительно показывает, что доступ к «вышестоящему органу власти», премьер-министру Путину в данном контексте, позволял приостановить часть изменений. С другой стороны, политический курс в оборонной сфере замедляется или изменяется даже без санкции высшего органа власти из-за сопротивления (не) формальных вето-игроков: отдельных военных лидеров или, например, других силовых структур.

Эта статья подчеркивает важность изучения гражданско-военных отношений в рамках академического поля российской политики. Она призывает социальных исследователей обратить большее внимание на политические процессы в вопросах безопасности России и других стран. Наличие гражданской экспертизы по реформам сектора безопасности помогает сделать их более успешными и приемлемыми для гражданской части государства.

K. Shamiev*

**The role of advocacy coalitions in Russia's defense policies:
the case of Serdyukov reform**

Abstract. Between 2007 and 2012, the Russian armed forces went through unprecedented changes that affected all elements of the military organization. Despite political and financial support from the president and prime minister, the reformers could not meet all reform goals, and some changes were slowed down or backpadded. The research uses data from 18 expert interviews, online media materials and employs the advocacy coalition framework to show that the Ministry of Defense has been unable to implement some changes because of the opposition within the military and presidential coalitions of civil-military relations. Interagency resistance forced the Ministry of Defense to abandon some of the changes. Some others were canceled after Minister Serdyukov's ouster. This article demonstrates the strategies that the reformers used to pursue their goals and overcome the resistance from the reform opponents. The resistance eventually led to the defence minister's resignation, which halted further radical changes in the Russian armed forces. The results show that even the full political support from an authoritarian leader cannot save politicians and their programs from the influence of other actors. Dissatisfaction with the changes split the presidential coalition. It also damaged the interagency interaction, which ultimately weakened the managerial position of the reformer. Moreover, this case study showed that in civil-military relations, the conformity of the reformer's behavior with the dominant military beliefs plays a major role alongside the factual component of reform.

* **Shamiev Kirill**, HSE University (St. Petersburg, Russia); Central European University (Vienna, Austria), e-mail: kshamiev@hse.ru

Keywords: defense policy; civil-military relations; military reform; Medvedev; policymaking; advocacy coalitions.

For citation: Shamiev K. The role of advocacy coalitions in Russia's defense policies: the case of Serdyukov reform. *Political Science (RU)*. 2022, N 2, P. 206–229. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.02.10>

References

- Arbatov A.G. *The transformation of Russian military doctrine: lessons learned from Kosovo and Chechnya*. Garmisch-Partenkirchen: George C Marshall Center, European Center For Security Studies, 2000, 62 p.
- Barabanov M. (ed.). *Russia's new army*. Moscow: Centre for analysis of strategies and technology, 2011, 120 p. (In Russ.)
- Binderkrantz A.S., Christiansen P.M., Pedersen H.H. Interest group access to the bureaucracy, parliament, and the media. *Governance*. 2015, Vol. 28, N 1, P. 95–112. DOI: <https://doi.org/10.1111/gove.12089>
- Cairney P. *Understanding public policy: theories and issues*. London: Macmillan International Higher Education, 2011, 346 p.
- Dvorkin V., Arbatov A. *Military reform in Russia: Current state and future prospects*. Moscow: Moscow Carnegie Center, 2013, 79 p. (In Russ.)
- Dyson D.T. German military reform 1998–2004: leadership and the triumph of domestic constraint over international opportunity. *European security*. 2005, Vol. 14, N 3, P. 361–386. DOI: <https://doi.org/10.1080/09662830500407929>
- Feaver P. *Armed servants: agency, oversight, and civil-military relations*. Cambridge, Mass.: Harvard university press, 2005, 400 p.
- Geddes B., Frantz E., Wright J.G. Military rule. *Annual review of political science*. 2014, Vol. 17, N 1, P. 147–162. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-032211-213418>
- Gel'man V. *Authoritarian modernization in Russia: ideas, institutions, and policies*. London: Routledge, 2016, 324 p.
- Giles K. *Who gives the orders in the new Russian military?* Research Paper N 74. Rome: NATO Defense college, 2012, 12 p.
- Golts A. *Military reform and militarism in Russia*. Upsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 2017, 315 p.
- Herspring D.R., McDermott R.N. Serdyukov promotes systemic Russian military reform. *Orbis*. 2010, Vol. 54, N 2, P. 284–301. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2010.01.004>
- Huntington S.P. *The soldier and the state: the theory and politics of civil-military relations*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1957, 564 p.
- Irondele B. Europeanization without the European Union? French military reforms 1991–96. *Journal of European public policy*. 2003, Vol. 10, N 2, P. 208–226. DOI: <https://doi.org/10.1080/1350176032000059008>
- Janowitz M. *The professional soldier: a social and political portrait*. New York: free press, 1960, 488 p.
- Jenkins-Smith H., Silva L.C., Gupta K., Ripberger T.J. Belief system continuity and change in policy advocacy coalitions: using cultural theory to specify belief systems,

- coalitions, and sources of change. *Policy studies journal*. 2014, Vol. 42, N 4, P. 484–508. DOI: <https://doi.org/10.1111/psj.12071>
- Levy Y. What is controlled by civilian control of the military? Control of the military vs. control of militarization. *Armed forces and society*. 2016, Vol. 42, N 1, P. 75–98. DOI: <https://doi.org/10.1177/0095327X14567918>
- Noble B. Authoritarian amendments: legislative institutions as intraexecutive constraints in Post-Soviet Russia. *Comparative political studies*. 2020, Vol. 53, N 9, P. 1417–1454. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0010414018797941>
- Nwalie M.I. Advocacy coalition framework and policy changes in a third-world country. *Politics & policy*. 2019, Vol. 47, N 3, P. 545–568. DOI: <https://doi.org/10.1111/polp.12302>
- Pierce J.J., Peterson H.L., Hicks K.C. Policy change: an advocacy coalition framework perspective. *Policy studies journal*. 2020, Vol. 48, N 1, P. 64–86. DOI: <https://doi.org/10.1111/psj.12223>
- Renz B. *Russia's military revival*. Cambridge: Polity, 2018, 240 p.
- Rohlfing I. *Case studies and causal inference: an integrative framework*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012, 272 p.
- Sabatier P., Weible C. *The advocacy coalition framework: innovations and clarifications*. Boulder, CO: Westview Press, 2007, 220 p.
- Shamiev K. Civil–military relations and Russia's Post-Soviet military culture: a belief system analysis. *Armed forces and society*. 2021, P. 1–24. DOI: <https://doi.org/10.1177/0095327X211062932>
- Soeters J. Organizational cultures in the military. In: G. Caforio, M. Nuciari (eds). *Handbook of the sociology of the military handbooks of sociology and social research*. Cham: Springer International Publishing, 2018, P. 251–272.
- Stepan A.C. *Rethinking military politics*. Princeton, NJ: Princeton university press, 1988, 192 p.
- Styckow P. The devil in the details: constitutional regime types in post-Soviet Eurasia. *Post-Soviet affairs*. 2019, Vol. 35, N 2, P. 122–139. DOI: <https://doi.org/10.1080/1060586X.2018.1553437>
- Svolik M.W. *The politics of authoritarian rule*. Cambridge: Cambridge university press, 2012, 253 p.
- Thomas G.B. External shocks, conflict and learning as interactive sources of change in U.S. security policy. *Journal of public policy*. 1999, Vol. 19, N 2, P. 209–231. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0143814X99000239>
- Wilson K. Modernization or more of the same in Russia: was there a “thaw” under Medvedev? *Problems of Post-Communism*. 2015, Vol. 62, N 3, P. 145–158. DOI: <https://doi.org/10.1080/10758216.2015.1019803>

Литература на русском языке

Новая армия России / под ред. М. Барабанова. – М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2010. – 168 с.

Дворкин В., Арбатов А. Военная реформа России: состояние и перспективы. – М: Моск. Центр Карнеги, 2013. – 79 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№	Респондент	Источник	Дата и время	Запись
1	Военный журналист и аналитик, автор книг про оборонные реформы в России	Онлайн	12/05/2021, 1:01:15	Записано
2	Один из ведущих членов движения «Гражданин и армия»	Лично	13/05/2021, 0:54:05	Записано
3	Корреспондент отдела политики «Комсомольской правды»	Лично	15/05/2021 0:37:21	Записано
4	Военный журналист, член «Изборского клуба»	Лично	17/05/2021 0:40:18	Записано
5	Бывший высокопоставленный член правительства РФ, член Совета безопасности РФ	Лично	18/05/2021 0:33:09	Записано
6	Полковник (в отставке), корреспондент ТАСС	Онлайн	20/05/2021 0:49:24	Записано
7	Член Общественного совета Министерства обороны, бывший сотрудник Министерства обороны, журналист	Онлайн	20/05/2021 0:50:24	Записано
8	Генерал-майор (в отставке), член Совета по внешней и оборонной политике, бывший член Совета обороны Российской Федерации	Лично	21/05/2021 0:47:54	Записано
9	Член экспертного совета Военно-промышленной комиссии, журналист	Онлайн	25/05/2021 0:52:29	Записано
10	Бывший член партии «Яблоко», эксперт по оборонной реформе 2001–2003 гг., по вопросам нераспространения	Онлайн	12/07/2021 0:36:08	Записано
11	Научный сотрудник Queen's University, Center for International and Defense Policy	Email	28/04/2018 0:45:17	Письменный вид
12	Журналист, пресс-пул Министерства обороны	Лично	25/04/2018 0:45:17	Записано
13	Профессор Высшей школы экономики, член Совета по внешней и оборонной политике	Лично	25/04/2018 0:46:58	Записано
14	Бывший депутат Государственной думы	Лично	23/04/2018 0:30:35	Записано
15	(Советский) российский военный журналист	Лично	20/04/18 20:52	Записано
16	Генерал-майор, член РАН, член Совета по внешней и оборонной политике	Лично	23/04/18 46:50	Записано
17	Политолог, независимый аналитик, бывший сотрудник ПИР-центра и РАН	Лично	28/04/18 1:14:36	Записано
18	Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Российской академии наук	Лично	20/04/18 59:07	Записано